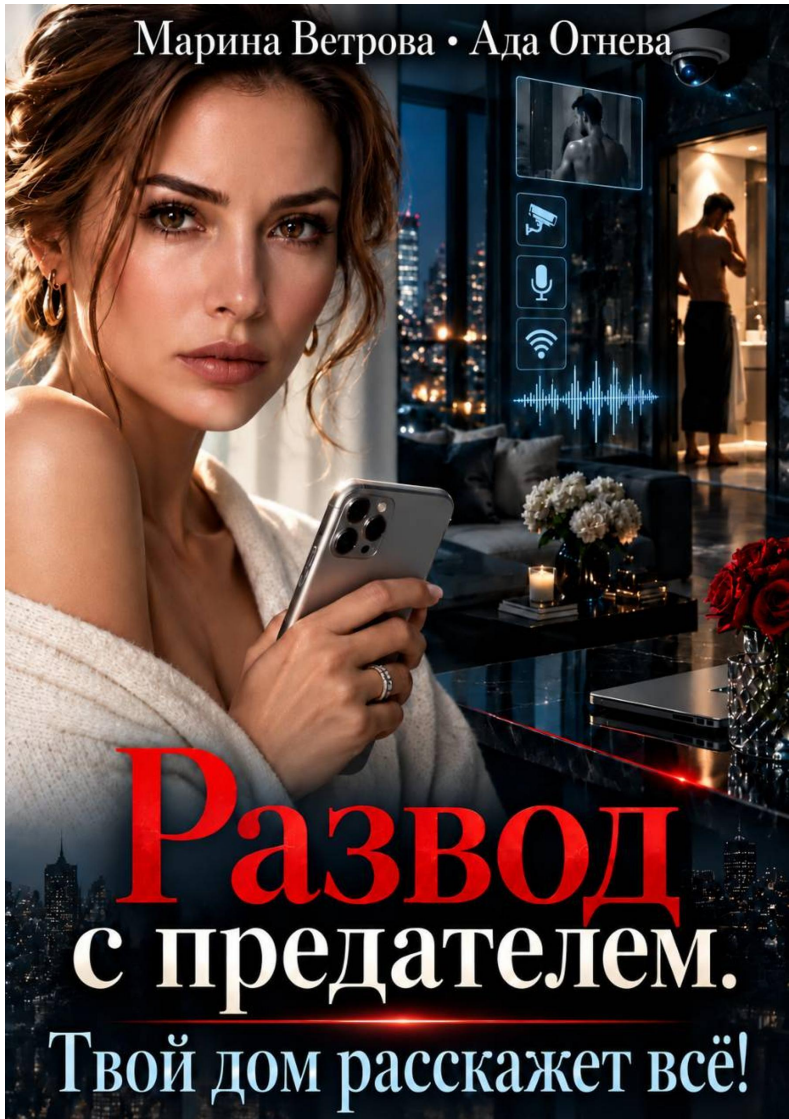

Марина Ветрова • Ада Огнева

Развод с предателем.

Твой дом расскажет всё!

**Ада Огнева
Марина Ветрова**

Развод с предателем. Твой дом расскажет всё!

<https://litres.ru/74644242>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я случайно включила запись из нашей ванной. И услышала, как мой муж занимается любовью с другой.

Десять лет брака, двое детей, идеальная семья Всё рухнуло за несколько секунд.

Но измена оказалась лишь началом кошмара.

Муж использовал наш умный дом, чтобы следить за мной, скрывать финансовые махинации и готовить развод, после которого я должна была остаться без денег и детей.

Он называл меня сумасшедшей. Угрожал. Уничтожал доказательства.

Только он забыл одну деталь: эту систему создавала я.

И теперь каждый микрофон, каждая камера и каждый сохранённый файл станут свидетелями его предательства.

Ты хотел управлять моей жизнью, дорогой? Теперь слушай правду!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Ветрова

Развод с предателем.

Твой дом расскажет всё!

Глава 1

Я убавила яркость до конца, а телефон все равно освещал мои пальцы и край дивана. Вокруг оставалась темнота. Стекло скользило в ладонях; я держала аппарат двумя руками, как держат чашку, которую очень боятся разбить. Только чашка хотя бы не хранит чужих голосов.

В приложение я полезла из-за Сониного увлажнителя. Дочь спала за стеной, и мне было лень идти проверять, горит ли лампочка на корпусе. Мы ради этого и ставили систему: чтобы вечером можно было наконец сесть. Три года я занималась квартирой, выбирала места датчиков, прятала колонки так, чтобы они не портили стены. Артем смеялся, что я и воздух в доме разложу по полочкам. В разделе голосовых команд должна была остаться моя команда для детской.

Список открылся за сутки. Свет, музыка, температура — обычные наши просьбы, рядом время и название комнаты. Я прокрутила его вниз. Запись из ванной, сегодня днем. Днем я была в офисе и объясняла заказчику, почему нельзя пере-

двинуть несущую стену на двадцать сантиметров просто потому, что ему так красивее.

Я нажала play.

Сначала в динамике ничего не было, и я уже подумала, что ткнула не туда. Потом зашумела вода. У нашего душа узнаваемый звук: широкий поток, без свиста, который меня так раздражал в старой лейке. Я сама настояла на замене. Сквозь воду засмеялся Артем. Зажав телефон крепче, я ждала, что следом услышу себя. Женщина заговорила совсем другим голосом — мягким, чуть сиплым, почти у него над ухом:

— Тебе нравится, когда я делаю так?

Телефон накренился. Я перехватила его одной рукой, второй вцепилась в диванную спинку. Итальянская кожа, Милан, Артем спорит с продавцом о доставке — зачем мне сейчас вспомнилось именно это? Шов вдавился в ладонь. Под пальцами было знакомое место, которое я трогала сотни раз, проходя мимо. Если отпустить, придется стоять самой, а я пока не могла.

Сбой, подумала я. Ну конечно, сбой. Артем столько раз объяснял мне, что приложения ошибаются. Чужая сеть, чужая квартира, неверная дата. Я проверила название устройства. Наше. Потом дату еще раз. Даже полезла посмотреть привязку к сети, хотя прекрасно знала: соседская ванная здесь не появится. Я сама это настраивала, чтоб чужие устройства не цеплялись.

Отмотала назад и включила снова, на этот раз тише. Сей-

час найдется щелчок, обрыв, что-нибудь, за что можно уцепиться. Я слушала стыки звука так, как всматриваются в фотографию треснувшей стены: вдруг просто тень. Но вода шла непрерывно. Скрипнула дверь душевой, Артем шумно выдохнул, женщина вскрикнула. Пришлось прикусить губу, чтобы не сказать вслух: это моя ванная.

Запись я остановила. Через секунду снова потянулась включить ее. Зачем? Услышать третий раз и наконец перестать искать другую квартиру?

Под ребрами стянуло так, что я согнулась над телефоном. Вдох получался короткий и шумный. За стеной дети. Соня, Матвей. Если начать сейчас, голос разнесется через весь коридор, я знала нашу акустику слишком хорошо. Представила, как Соня выйдет босиком и спросит, почему мама кричит. До двери детской она дойдет раньше, чем я смогу остановиться.

Нельзя. Ни одного звука.

До коридора дошла, держась за мебель. Мрамор холодил ступни. Когда-то я была готова час рассказывать о его рисунке — красивые жилы, никаких случайных пятен. Сейчас смотрела под ноги, чтобы не удариться о край консоли. Главное, добраться туда, где дети не услышат мое дыхание так отчетливо.

У стены остановилась, прижалась лопатками к шершавому кафелю. Пальцы на запястье не помогали: я теряла счет ударов и начинала снова. Лучше считать выдохи. Один. Еще

один. Пока я могу считать, я могу не орать.

Колонка над коридором заговорила раньше, чем я спрашивалась с третьим выдохом:

— Включить режим сна?

Мой сценарий, мое время срабатывания: движение в коридоре после полуночи. Я даже голос выбирала, чтобы не звучал слишком назойливо. Сейчас хотелось снять колонку со стены и унести на лестницу. «Режим сна» — как будто стоит согласиться, и завтра утром снова получится завтрак с нормальным мужем.

Меня дернуло от звука; телефон прижала к груди, чтоб не уронить. Где Артем? Я не проверила спальню, когда села в гостиную. Он должен был лежать под нашим одеялом. Мне нужно было увидеть его, прежде чем решать, что я скажу.

Дверь спальни была приоткрыта. Ночник выхватывал край тумбочки и складку на одеяле. Настройки света я помнила наизусть: ночью он не должен бить в глаза, когда всташь к детям. Ни одного чужого решения в этой комнате, кроме того, что произошло днем.

Кровать пуста.

Подушка лежала на месте. Я провела ладонью по его половине простыни, потом ниже, под одеялом. Везде холодная. Можно было наконец перестать гадать, спит ли он. Здесь его сегодня не было.

На тумбочке мигнул домашний планшет. Сообщения с телефона дублировались туда; раньше это было удобством,

а не поводом подходить на цыпочках. Я наклонилась. Имя прочла сразу, короткое. Само сообщение пришлось прочитать дважды: мозг никак не хотел соединить эти слова с именем моего мужа.

Кира: «Спасибо за вечер. Твой запах остался на мне».

Время отправки: 23:45. Пятнадцать минут назад.

Двадцать три сорок пять. Сообщение пришло пятнадцать минут назад. Я смотрела на часы, словно между цифрами можно было найти объяснение, куда он дел остаток вечера. Руку с простыни так и не убрала.

В гостиной звякнули ключи. По кварцевой столешнице — я узнала звон раньше, чем вспомнила, где она стоит. Артем бросал их туда, хотя я просила пользоваться лотком. Когда-то это была наша самая дурацкая домашняя ссора.

Вышла из спальни. Он стоял ко мне спиной, стягивал куртку. Уронил ее и даже не наклонился поднять. Я почему-то ждала, что он сейчас подхватит ее, как всегда, и повесит на стул. Но он только потянул воротник рубашки, освобождая шею.

— Марина? — Его голос был раздраженным, тягучим. Человек, которого вырвали из комфорта. — Почему ты не спишь? Уже полночь.

Он повернулся без спешки. Даже улыбнулся немного — так встречают жену, которая зачем-то бродит по квартире вместо того, чтобы дать тебе отдых. Я смотрела ему в лицо и ждала хотя бы заминки. Ни одной. Должно быть, я выглядела

гораздо глупее, чем мне казалось.

У воротника рубашка помялась. Оттуда тянуло сладким запахом, жасмином. Я бы на любой женщине сказала: тяжеловатые духи, на вечер. Теперь не могла сделать еще один шаг к нему. Утром ведь сама поправляла эту рубашку на вешалке, чтобы плечо не замялось.

— Ты не спал? — спросила я. Голос получился хриплым, чужим.

— Работа затянулась, — ответил он, улыбаясь той самой дежурной, «семейной» улыбкой, которую мы репетировали для фотографов на мероприятиях компании. — У нас был срочный созвон с инвесторами.

Вот как это называлось. Инвесторы. Я держала язык за зубами и смотрела на его улыбку, ту самую, для семейных фотографий на мероприятиях. Поддай мне руку, Марина, ближе, отлично. Он даже не придумал нового оправдания.

Он прошел в ванную, не закрыв за собой дверь. Меня отодвинул плечом, как если бы я загородила проход. Я осталась у косяка: пойти следом означало начать разговор, к которому я еще не подобрала первой фразы. А он уже открывал воду.

Душ снова зашумел. Тот же самый звук, теперь вживую. До его рубашки на стуле было два шага. Хотелось схватить ее, швырнуть ему под ноги и заставить хотя бы посмотреть на меня, пока я спрошу. «Кто она?» — такой маленький вопрос. В нем помещалось десять лет, которые я сейчас не знала куда деть.

Я знала, как он спорит. Сначала спокойно, даже заботливо: тебе показалось. Потом чуть громче: почему ты за мной следишь? И на этом месте я уже объясняла бы, что полезла в приложение ради увлажнителя. Оправдывалась бы за Сонин воздух. Он позвонит матери, моим родителям, расскажет, что Марина опять не справляется с нервами. Мне придется отбиваться еще и от них.

Запись была в телефоне. Пока я кричу, он может забрать его. В этой мысли было что-то настолько простое, что я наконец сделала нормальный вдох.

Глава 2

Отступила в прихожую. Пусть сейчас моет голову. Мне требовалось хотя бы несколько минут без его лица перед глазами. Сначала сохранить то, что я слышала, потом спрашивать. Иначе все закончится моими извинениями — я слишком хорошо знала этот маршрут.

Телефон Артема отозвался из гостиной. Он оставил его на диване, уходя в душ. Я стояла и слушала вместе с шумом воды короткий звук сообщений.

Один раз.

Еще раз.

Третий.

Кто-то писал ему, не дожидаясь ответа. Я подошла к дивану, оглянулась на ванную и задержала руку над телефоном. Смешно: после услышанного я все равно боялась, что меня обвинят в невежливости.

Руки тряслись, когда я потянулась к телефону. Экран еще не успел заблокироваться: Артем оставил телефон, уходя в душ. Я коснулась стекла, не давая ему погаснуть.

В браузере был открыт архив переписки. За свежим уведомлением оставались старые сообщения; я прочла верхнее, еще не понимая, причем здесь проект.

«Когда сдаем отчет по проекту "Феникс"?» — спрашивал кто-то с ником «V».

«Завтра утром. Все файлы уже загружены в облако умного дома. Проверю лично, после того как закончу с Маринкой. Она любит контролировать климат, пусть контролирует температуру, пока мы решаем вопросы бизнеса», — отвечал Артем.

Дата под ответом — наша годовщина. Та, когда он задержался на работе, а я осталась с праздничным ужином. Я теперь видела, с кем он переписывался в тот вечер, хотя самого имени за буквой «V» не было.

Что такое «Феникс»? Какой отчет он сдает через домашнее облако? Я подняла телефон ближе, проверила, правильно ли прочла. Маринка контролирует температуру. Вот так он писал обо мне чужим людям. В нашей сети лежали Сонины фотографии, мои чертежи, записи. Мне нужен был кто-то, кому можно показать переписку и не получить в ответ совет меньше ревновать.

Я дошла глазами до последней строки и опять вернулась к «Маринке». Все эти настройки, которые я делала ради нас, он использовал без меня. Что еще в доме я считала общим зря? Этот вопрос оказался страшнее имени Киры.

Вода оборвалась. Я положила телефон на диван и убрала руку. По ванной шлепнуло полотенце. Сейчас он выйдет.

Артем вытирал руки. Увидел меня у дивана и задержал взгляд. Я смотрела на полотенце, стараясь не опустить глаза на телефон: это выдало бы меня быстрее всего.

— Марина, ты чего такая бледная? Опять давление? —

спросил он мягко.

Заметил? Я успела положить аппарат до того, как он вышел. Но в гостиной были камеры. У него хватало способов проверить, где я стояла и что держала. Захотелось спросить, что именно он увидел, — и этим сказать о себе все.

Я могла ответить честно: мне плохо от тебя. Как хорошо прозвучало бы. Как быстро вслед за этим он спросил бы, где мои доказательства. Голос уже поднимался к горлу; я прижала язык к нёбу и удержала его там, пока Артем смотрел на меня.

Над дверью виднелась крошечная точка микрофона. Я сама проверяла его чувствительность после установки.

— Просто хочу спать, — прошептала я. Получилось почти как обычно. От этого захотелось плакать сильнее, чем от записи.

Он положил ладонь мне на плечо. Влажную. На ночной рубашке осталось темное пятно от капли; я смотрела на него, пока он говорил. Если посмотреть на его пальцы, я оттолкну руку, а пока еще нельзя.

— Иди спать, Марин, — сказал он мягко.

Так же мягко он смеялся в дневной записи. Я подняла на него глаза и впервые подумала не о том, как вернуть его, а о том, как пережить ночь рядом.

Чашка выскользнула, когда я попыталась поставить ее возле тарелки. Звон вышел оглушительный. Матвей так и замер с ложкой, а Соня посмотрела сначала на осколки, по-

том на меня. — Мама, почему ты плачешь? Я стерла щеку плечом. Хотела сказать, что испугалась за чашку, но Соня знала меня: разбитая посуда никогда не доводила до слез. — Аллергия на пыль, солнышко. Присела, сдвинула босую ногу подальше от осколков. Дети смотрели на мои руки, и я улыбалась им так старательно, как заказчику перед трудной презентацией. Даже сейчас умела делать профессиональное лицо. Край фарфора царапнул палец. На светлом кафеле появилась кровь, смешалась с остывшим чаем; мне стало легче заниматься чем-то понятным. Осколки надо собрать, пол вытереть. Вот это я могла.

Звонок застал меня еще у стола. Галина Петровна пришла без предупреждения и вошла с пакетом посуды, словно сейчас проверит, куда ее невестка дела все прежние тарелки. Запах духов дошел до меня раньше, чем она сняла пальто. — Марина, посмотри на эти розетки. Неудачное расположение. У нас дома было лучше. И вид у тебя... помятый. Ты совсем забросила хозяйство? Она указала на стену. Я знала, почему там стоят розетки: иначе пришлось бы провести шнур через проход. Можно было объяснить в трех предложениях. Но тогда она заговорила бы о том, что в ее доме никаких шнуров вообще не было, и разговор занял бы утро. Я спрятала порезанный палец в ладонь. Сегодня у меня не было сил защищать даже собственную профессию.

Из спальни вышел Артем, поцеловал мать. Потом обнял меня. Я сперва даже подвинулась к нему — привычка срабо-

тала раньше памяти. Он наклонился к уху: — Улыбайся, ты выглядишь как истеричка. Галина ничего не услышала. Ей досталась семейная картинка. Мне — запах из его воротника, сладкий Kiwi Blossom, который за ночь не выветрился. Чужие духи остались в ткани, а я стояла под его рукой и думала, как бы отступить, не устраивая сцены при детях. Кивнула. Это было легче всего: один раз кивнуть, и он уберет губы от моей шеи.

Когда свекровь уехала, я разобрала пакет. Между тарелками застрял чек из бутика. Дата вчерашняя, время — середина рабочего дня. Артем говорил про переговоры; я вспомнила это, хотя чек привезла его мать. Покупка могла быть ее. Нельзя было превращать каждую бумажку в доказательство только потому, что мне хотелось найти еще одно. Я разглядела чек на столе, посмотрела на сумму и спрятала в сейф под полом детской. Фальшивую доску знала только я. Пусть полежит, пока не разберусь. Прикусила губу слишком сильно и почувствовала кровь — теперь и умываться надо так, чтобы Соня ничего не заметила.

Вечером я принесла Артему чай в кабинет. Он сидел лицом к монитору; в дверях мне было видно только щеку и воротник. Вкладка Telegram успела открыться, имя Киры мелькнуло рядом с сердечком. Он захлопнул ноутбук прежде, чем я поставила чашку. — Ты следишь за мной? Это паранойя, Марина. Тебе нужен врач. Хватит устраивать сцены. Я еще ни слова не сказала. Стояла с блюдцем в руках

и смотрела на закрытую крышку. Чтобы сцена состоялась, достаточно было ответить: «Я принесла тебе чай». Тогда он спросил бы, зачем я смотрела на экран. Я поставила чашку туда, где она не заденет бумаги, и кивнула. Он потянулся к ней как ни в чем не бывало. Это почему-то запомнилось особенно: чай можно принять от человека, которого только что назвал больным.

Ночью дошла до кладовки. Роутер мигал красным; после того, что я услышала в записи, даже привычные огни оборудования казались предупреждением. Я стояла перед ним и пыталась вспомнить, какие из моих действий Артем увидит в логах. Выдернуть кабель? Перезагрузить? Я могу испортить то, что осталось, а восстановить сама не сумею. Оставила все как есть и закрыла дверцу, стараясь не стукнуть защелкой.

Утром приехал курьер от Виктора. Я нашла этого специалиста по кибербезопасности в старом рабочем чате, переслала ему странную переписку из телефона мужа. На посылку смотрела с таким нетерпением, будто внутри можно было найти готовую инструкцию, как остаться женой и перестать быть душой. Там оказалась флешка. На записке: «Не трогай роутер. Ищи зеркало данных в облаке Apple». Я перевернула листок. «Я знаю про Киру. Она работает на конкурентов твоего мужа. Ты не просто жена изменника, ты — заложница корпоративной войны».

Прочла еще раз, медленнее. Конкуренты. Это могло объяснить «Феникс», чужой отчет в нашей сети. Не объясняло

ни ванную, ни его руку на моей шее. От этих слов жена изменника никуда не делась. Просто к ревности теперь прибавилась задача, для которой требовались чужие знания. Я убрала флешку так, чтобы не перепутать ее со своими рабочими, и сложила записку по прежнему сгибу. Декорация, подумала я. Хорошо, пока побуду декорацией. Он и так смотрит сквозь меня — хоть одно удобство от этого должно быть.

Глава 3

Виктору требовались сырые данные из локальной сети. Я перечитала его объяснение, убрала телефон и стала слушать кухню. Артем сидел рядом. После нашей ночной проверки связи мне чудилось, что он замечает каждый лишний поворот головы. Проще было смотреть на детей: им пока было все равно, кто следит за трафиком.

Матвей размочил хлопья в молоке и вылавливал их по одному. Соня рисовала на салфетке кота — с такими длинными усами, что пришлось взять вторую салфетку. Я собиралась предложить ей лист бумаги, когда на столешнице завибрировал телефон мужа. Экран был повернут ко мне. «Аномалия в потоке данных роутера. Проверка запущена». Я дочитала последние слова уже после того, как Артем поднял голову.

Он посмотрел прямо на меня. Я еще держала в пальцах чистую салфетку. — Что ты делаешь с интернетом? — спросил тихо, чтобы дети не отвлеклись от своего завтрака. — Трафик скачет. Ты качаешь торренты или общаешься со своими... друзьями?

Не смотреть на его телефон. Не спрашивать, что за проверка. Я положила салфетку перед Соней и подумала о мастере, которого он может вызвать. Мастер найдет мой запрос к серверу Виктора, и тогда придется объясняться всерьез.

При детях. Матвей все еще жевал, а у меня во рту ничего не осталось, кроме кофейной горечи.

— Утюг, — сказала я, отставляя чашку. — И фен. Одновременно. Артем нахмурился. — При чем тут... — Я сушила платье Сони после стирки, потом проглаживала его перед школой. Старая проводка в этой квартире — дерьмо. Знаешь же, я говорила подрядчику заменить розетки в коридоре. Электромагнитный фон скачет. Роутер тупит от помех. Хочешь, включу микроволновку тоже? Посмотрим, упадет ли Wi-Fi совсем? Слова шли быстрее, чем я успевала проверять, насколько они убедительны. Я говорила про розетки, про платье, про то, что обычно интересовало его меньше всего.

Встала и пошла к стене, будто действительно собиралась продолжать опыт. Мне хотелось, чтобы он остановил меня: спорить с микроволновкой сейчас было гораздо удобнее, чем с женой. Артем проводил меня взглядом, задержался на розетке. Я даже не дышала, пока он не отвернулся к ноутбуку. — Ладно. Выключи всё лишнее. Не хочу, чтобы дети сидели без мультиков. Мультики. Оказывается, ради них можно было прожить еще полчаса без допроса.

За дверью кухни остановилась. Пришлось ухватиться за косяк, пока колени не перестали дрожать. Я выкрутилась, но повторять объяснение про фен второй раз было нельзя. Нужно было искать записи, пока он занят, а не ждать нового уведомления. Хотелось позвонить Виктору и сказать, что я во-

обще-то дизайнер, не его разведчик. Телефон так и оставила в кармане.

В гостевой спальне Артем устраивал деловые звонки, когда ему мешали дети. Так он говорил. Родители ночевали там редко, и обычно дверь оставалась закрытой. Теперь мне нужно было войти без этого унижительного «зачем тебе туда?». Ответ лежал буквально под рукой.

Ручка шаталась неделю. Я взяла отвертку из ящика в прихожей. Мелочь, которую давно хотела починить: дверь цеплялась, и каждый раз я обещала себе, что в выходные разберу фурнитуру. Теперь эта невыполненная работа пригодилась. Артем не удивится, если найдет меня над винтами. Максимум скажет, что опять трачу время на ерунду.

Механизм заело. Разбирала его минут десять, раскладывая детали возле себя, и слышала шаги раньше, чем дверь открылась. Артем остановился в проеме, скрестил руки. Мне пришлось посмотреть на него, хотя очень хотелось продолжать заниматься винтом. — Ты опять за своё? Параноик в действии. Сначала уют, теперь замки. Может, еще и стены простукаешь на наличие прослушки?

Я протянула ему механизм, показывая, что дело настоящее. Деталь лежала на ладони, холодная, тяжелее, чем нужно для такой маленькой ручки. — Подрядчик сэкономил на фурнитуре, Артем. Поможешь собрать обратно? У меня пальцы немеют от холода, а тебе нужно просто вставить винты. Ты же мужик. Или ты боишься испачкать костюм? Ко-

стюм я добавила зря. На секунду испугалась, что он бросит деталь обратно и уйдет, а мне понадобится другое прикрытие.

Он все-таки взял отвертку. Склонился к двери, и я перестала держать улыбку: он сейчас ее не видел. Осмотрела тумбочку, стены. Все стояло там, где я оставила после ремонта. Запах одеколona я бы не заметила раньше. Цветочный шлейф рядом с ним — заметила сразу. Он заполнял комнату, а никакого предмета, который можно было бы поднять и предъявить мужу, не находилось.

— Вот, держи. Он протянул собранную ручку, задел локтем кнопку на колонке. Синий индикатор вспыхнул. Сначала я подумала: музыка. Но из динамика засмеялась женщина, и следом ответил Артем. Он еще стоял передо мной, а его голос уже шел с тумбочки. Я сжала ручку так, что винт вдавился в палец. Вчера он был только в записи; сегодня их стало двое.

Артем схватил колонку. Так быстро, что шнур дернулся и ударил по краю тумбы. Он нажимал кнопки, попадая не сразу. Я смотрела на его пальцы: значит, не для меня он оставил эту запись в очереди воспроизведения. — Ты настроила будильник на странные частоты! — выкрикнул он. — Или это баг прошивки? Черт! Хотелось спросить, на какую частоту он настроил женский смех. Я удержалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.